
О Московском Зоосаде в отсвете восьмисотлетия Москвы

Александр Федорович Котс

Часть I.: От Основания Зоосада (1864) до Национализации 1919)

Часть II.: От Национализации до перехода в ведение **Моссовега**.

Вместо Предисловия.

Не без двойственного чувства вызываю я из памяти и извлекаю из архивных документов ряд страниц из прошлого Московского Зоологического Сада.

Восходя назад до первых лет нашей великой Революции, поры великих жертв и жертвенного энтузиазма, оживляемые мною образы, картины или сцены неизбежно оттеняются своими историческими негативами: При свете исторических прожекторов, она, эта пора невольно обнажает свойства и черты, которые в другое время скрыто пребывали бы во мгле ее маскирующей обыденности.

Но справедливое для государства в целом это столь обычное явление «биполярности» особенно наглядно выступает в жизни или деятельности отдельных учреждений и на небольших участках, призванных особенно наглядно отразить в миниатюре этот исторический «закон контрастов», «блан э нуар» великих переходных исторических эпох.

Замалчивать эти былые темные страницы светлого былого, эти негативы исторического прошлого — нет никакого основания. И еще менее оправданным являлась бы манера подведения всех отрицательных явлений, лиц или поступков той эпохи под понятие «вредительства», как актов планомерных и сознательных, обдуманных противодействий: за поступками и лицами, с которыми мне приходилось так усиленно бороться на посту директора Зоологического Сада не стояло никаких «идей», а лишь простое лихоимство в худшем случае, а в лучшем — нерасчетливость и человеческая глупость.

...Слишком мелко! скажут нам, чтобы на фоне нашего великого Тридцатилетия припоминать сейчас «героев» мелких краж и крупных самодурств.

Однако, не говоря уже о том, что относилась эта «мелкотравчатость» проступков или лиц к столичному большому учреждению, имеется еще один мотив, который побуждает меня, поступаясь чувством к скромности, извлечь из прошлого полуистертые страницы жизни нашего московского зоологического Сада.

Я имею здесь ввиду ту явную предвзятость и односторонность в свете или в направлении которой освещалась жизнь Зоосада до великого Октября и как доселе представляется она обычно в продолжении первых четырех лет по национализации.

Вошло в обыкновение, говоря о прошлом Зоосада при царизме, рисовать его, московский Зоосад, на положение «посредственного» лишь Зверинца а о Зоосаде первых лет советской власти отзываться, как об учреждении, находившемся в анабиозе.

Обе установки совершенно произвольны и не отвечают правде.

Признавая полностью, что по сравнению с тем, чем стал московский Зоосад по переходе его в ведение **Моссовега**, прежнее, бывшее состояние его являлось очень скромным, следует со всей определенностью сказать, что **вне** подобного сравнения наш Московский Сад и до национализации его был временами далеко не плох, а часть своих сокровищ (крупных хищников, Туры, Фазаны, Попугаи, замечательная Голубятня..) сохранил до перехода в собственность государства.

Хорошо известно, между тем, что эти первые ответственные годы жизни Зоосада после национализации его по молчаливо делаемому соглашению авторов, либо всецело опускаются, либо рисуются в односторонних черных красках.

Но оправданное политически и при обзоре Зоосада в «Общем Плане» для «широкой публики» такое представление о Зоосаде исторически **неверно**. Показать эту неправильность — одна из целей нижеследующих строк.

Но еще менее оправдана другая установка, тоже «молчаливо» принимаемая всякий раз, когда касаются первых «советских» лет из жизни Зоосада: Мы имеем здесь ввиду то представление, будто бы немедленно по национализации отпали все те отрицательные стороны, которые мешали ему стать серьезным, подлинно научным и культурным учреждением.

Мы разумеем: грубое засилье арендаторов-антрепренеров, завладевших всей передней территорией зоологического Сада, превращенной в «летний Сад» сомнительного стиля; — узурпацию Лаборатории Зоологического Сада учреждениями, не связанными с ним; — Необеспеченность его со стороны экономической и вынужденное обращение к источникам дохода, мало отвечающим достоинству научно-просветительного Института.

Все эти помехи и препятствия не только оставались в силе и при переходе Сада в ведении Наркомпроса но отчасти даже возросли необычайно в силу денежной инфляции и временной экономической разрухи первых послереволюционных лет.

Изжить эти дефекты, неурядицы, пробелы и помехи удалось лишь к самому исходу первого четырехлетия и все четыре года моего директорства прошли под знаком неустанной и ожесточеннейшей борьбы за обеспеченность экономической, за освобождение Лаборатории и за эмансипацию от театральных и эстрадных зрелищ.

В этом смысле подлинное обновление **Зоологического Сада** и переводение его на положение научного и просветительного учреждения без примеси эстрадно — кегельбанно-лодочно-буфетно-театрального аттракциона, падает уже всецело на конец того четырехлетия и подготовлено годами моего Директорства.

И только в свете этой подготовки мною той конечной базы, на которой воздвигалось все последующее благополучие и все фактические достижения **Зоопарка** — может быть оправдан предлагаемый мною очерк жизни этого большого, некогда хронически больного Учреждения Москвы.

Часть 1-ая: От Основания Зоосада (1864) до Национализации (1919)

В жизни стран, как и отдельных учреждений, или лиц, бывают имена и даты, малозначущие для своей поры, но полные волнующего интереса для потомства, имена, деяния, едва приметные для современников и призванные проявить себя лишь в отдаленном будущем.

Но даже более того. Для каждого народа, осознавшего себя, как самобытно-историческое целое, нетрудно показать, как в начинаниях, забытых и нецененных современниками, благодарные потомки с удивлением усмотрят подвиги высокого патриотизма, подлинного национального служения и творчества.

Банальные до тривиальности и все же часто забываемые эти истины едва ли выступали где-нибудь так ярко и так осязательно, как в наши дни, дни, посвященные нашей родной великой «юбилярше», сердцу Родины, как и всего передового человечества — **Москве!**

Но среди множества культурных детищ нашего родного города место далеко не последнее приходится на долю нашего московского Зоологического Сада, основание достаточное, чтобы оправдать заглавие и тему моей речи:

«О Московском Зоосаде в отсвете. 800-летия Москвы»

Неадекватные друг другу эти два понятия **Москва** и наш московский **Зоосад**, мы, тем не менее, берем сюжетом, темой нашей юбилейной речи и при том, по следующим основаниям.

Москвич по месту моего рождения и воспитания, москвич по чувствам, убеждениям, симпатиям и антипатиям, по темпераменту, эмоциям, всему тому, что незабвенный автор «Горя от Ума» отметил, как присущий москвичам «особый отпечаток». — я не уступлю, конечно, никому по моему «московскому патриотизму», как не претендую на особенные преимущества в сравнении с миллионами таких же прирожденных и «неисправимых» москвичей.

С тем большим правом я готов претендовать на некоторые привилегии по части **Зоосада**, именно поскольку на мою почетную и скорбно-радостную долю падает считать себя одним из самых давних почитателей, друзей и скромных бывших деятелей этого большого, самобытного естественно-научного культурно-просветительного учреждения.

Москва, этот наш древний город-юбиляр, и наш московский **Зоосад**. В чем, так естественно спросить, глубокая и специфическая связь обоих? Почему из всех культурно-просветительных, естественно-научных центров города наш **Зоопарк** особенно тепло воспринимает эту историческую дату? Ведь имеется в Москве не мало учреждений, несравненно более заслуженных и древних, более созвучных историческим ее седидам!

Почему, избравши темой речи эти две столь несравнимые величины, как наша древняя **восьмисотлетняя Москва** и наш московский **Зоопарк**, отметивший недавно лишь свое **восьмидесятилетие**, мое приветственное слово хочется отлить особенно интимно и прочувственно...

Начну с ответа, более патриотического, чем логичного.

Столица мировой демократической культуры, центр демократии, **Москва** имеет в своем Зоопарке самое демократическое, самое общедоступное естественно-научное и просветительное учреждение Города.

И все же, ограничься мы лишь ссылкой на «демократизм», и десятки, сотни учреждений заявили бы свои права с не меньшим основанием и пафосом.

И потому позвольте мне, в обоснование тезиса о специфичных узах, связывающих **Москву** и **Зоопарк**, избрать другие доводы и доказательства.

Начну с того, что попрошу Вас мысленно перенестись за **восемь** долгих исторических веков назад.

Давно известно, что построена **Москва** на месте, некогда покрытом лесом, **бором**, как о том доселе говорят названия вроде «Боровицкие Ворота» или церковь «Спаса на Бору».

Известно также, что сравнительно еще недавно, в частности на моей памяти, ближайшие окрестности Москвы, — «Останкино», «Сокольники» и «Воробьевы Горы» — сохраняли много первобытной и нетронутой природы.

Помнится, как на исходе прошлого столетия, примерно шесть десятков лет тому назад звуки ружейных выстрелов охотников за вальдшнепами можно было слышать вперемежку с колокольным звоном, несшимся с Донского и Новодевичьего монастыря...

Но, расширяясь и отстраиваясь, забирая с каждым годом вширь, захватывая подмосковные леса, **Москва** давно уже перенесла свои границы за лесные окружавшие ее массивы, заменяя камнем и асфальтом окружавшие ее дубравы.

И, однако, одеваясь в камень и бетон, **Москва** не заглушила тяготения своих жителей к привольной зелени лесов, в глуши которых некогда, восемь веков тому назад, она впервые заявила о себе в истории России.

Более того. Учитывая изумительную красоту окрестностей, которыми издавна славилась Москва, легко понять, насколько москвичам труднее, чем другим столичным жителям, было проститься с изумрудной некогда оправой города и видеть, как отодвигается она перед напором мрамора, асфальта и бетона.

Более того. Страна **Аксакова**, **Тургенева**, **Толстых**, этих великих чародеев слова, закрепивших гением художественной речи русскую природу и исконную к ней близость русского народа в образах «**Евгенича**», «**Ерошки**», «**Ермолая**» — этих вышедших из его недр знатоков-любителей животных, наша Родина должна была откликнуться особенно тепло на мысль о создании в Москве подобия естественного уголка природы и ее животных обитателей.

И не случайно самым ранним по возникновению Зоосадам в современном понимании его считают лондонский, в стране энтузиастических любителей животных, а последним по возникновению, основанный сравнительно недавно в Риме, как былом свидетеле кровавых цирковых звериных боен на потеху населения, среди которого доселе наблюдается нередко самое жестокое и варварское обращение с животными...

И не случайно, разумеется, на родине «Боев Быков», в Испании, нет до сих пор зоологических садов и не предвидится их в будущем...

Мы очертили в предыдущем только две самые общие характерные предпосылки основания московского Зоологического Сада: общую присущую народу русскому любовь к природе и готовность москвичей приветствовать попытку воссоздания уголка ее в черте родного города по мере отступления ее перед победным шествием построек фабрик и заводов.

Но была еще одна причина общего характера, ускорившая зарождение Зоологического Сада именно к середине прошлого столетия.

Мы разумеем знаменательный для той поры подъем влечения русского общества к Естествознанию, как отголосок сходного же интереса и за рубежом: именно в эту пору (именно в 1859 году) прозвучал могучий голос Дарвина, а чуть позднее — выступления его соратников, как в самой Англии, так и на континенте.

И на то же время падает у нас расцвет Естествознания и подготовка плеяды его пламенных защитников, ученых стиля и диапазона **Сеченова, Мечникова, Ковалевских, Тимирязева**, как и писателей общественников: **Писарева, Добролюбова и Чернышевского**....

Но, как в самом Естествознании подъем его знаменовался не в бесплотных настроениях и фразах, но в конкретных личностях, так и проблема основания Зоологического Сада в разрешении своем нуждалась в действиях и выступлениях определенных лиц, застрельщиков и исполнителей назревшего культурного общественного начинания.

Короче: Каковы бы ни были природные или культурно-исторические данные, содействовавшие устройству Зоосада, для его осуществления нужны были **две** вещи: ясное осознание идеи и наличие людей, способных превратить идею в действие.

И, памятуя «юбилейность» темы моей речи, здесь невольно просится сравнение.

Мысль о необходимости сплочения разрозненных посадов или областей рязанско-суздальского княжества, о прекращении розни и усобиц, раздиравших калейдоскопически сменявшихся правителей, идея концентраций всей власти управления в одних руках, идея эта вдохновляла многих северных князей: и Александра Невского, и его сына Даниила (при котором в первый раз упоминает летописец о Москве), и внуку Александра, Юрию, но только брату этого последнего — **Ивану Калите** дано было осуществить идею «собирания Руси» и положить начало подлинному возвышению Москвы.

И возвращаясь после этого элементарно-школьного экскурса к нашей основной руководящей теме, так естественно спросить:

Кому среди московских деятелей и ученых около середины прошлого столетия пришлось принять на себя роль организатора московского Зоологического Сада? Реализовать идею, разделявшуюся многими и только ждавшую осуществления? Кому среди тогдашних деятелей в области естествознания выпала роль «Ивана Калиты»?

Эта почетная, но трудная и глубоко-ответственная роль организатора и подлинного «собиранителя» любителей природы и натуралистов, в частности всех лиц, сочувственно отнесшихся к идее основания в Москве Зоологического Сада, выпала надолго бывшего профессора московского Университета, Анатолия Петровича **Богданова**, ставшего подлинным «**Иваном Калитой**» среди зоологов.

Сравнение — не слишком смелое!

Сооснователь двух ученых Обществ («Акклиматизации Животных и Растений» и «Любителей Естествознания») «Политехнической Выставки» 1872 года и возникшего на ее базе **Политехнического Музея**, соинициатор Русской Ассоциации для развития Наук, автор двухтомного компендия с подробным перечнем трудов и биографий всех тогдашних деятелей в области науки о живой природе, **А. Богданов** занимает совершенно исключительное место и почетный пост в истории нашей науки, как талантливый организатор и общественник, сплотивший распыленные дотоле имена ученых и любителей Природы.

Этому подлинному «Собиранителю Ученых Земли Русской», этому «**Ивану Калите**» российского Естествознания, принадлежит заслуга оказаться главным основателем Московского Зоологического Сада.

Сказанному не противоречит то, что наряду с Богдановым, приходится отметить ряд других ученых и общественных работников за первое тридцатилетие жизни и деятельности Учреждения: душой и двигателем дела были голова и сердце Анатолия Петровича и таковыми они были до его кончины (1896 г.)

Оставляя за собой вернуться к прочим бывшим деятелям московского Зоологического Сада, обратимся к беглому и схематическому очерку условий и успехов жизни учреждения за первое шестидесятилетие, протекшее от основания (1864) до перехода в ведение **Моссовета** (1924).

При этом я по преимуществу буду иметь ввиду второе лишь тридцатилетие (1894— 1924), протекшее на моей памяти и частью при моем директорстве, отказываясь наперед от полноты и от хронологичности порядка изложения.

Начну с вопроса: Почему обычно, говоря о нашем досоветском Зоосаде, в отзывах и мнениях о нем, оценки **негативные** господствуют над **позитивными**? И почему так часто в представлениях московских обывателей держалось мнение о Зоосаде, как о некоем хроническом больном, и в лучшем случае, как о ребенке хлопотливым, и неиссякающем источнике забот и огорчений?

И вопрос этот тем более уместен, что сложилось это отношение к нашему Зоологическому Саду, если и не с основания, то довольно скоро по его открытию.

И в самом деле. Как то явствует из документов того времени, в первые месяцы Сад пользовался исключительным вниманием общества:

«Публика буквально осаждала кассу Сада. Газеты были переполнены статьями о саде, о поступавших пожертвованиях...»

—/Н. Кулагин. Материалы по Истории Зоологического Сада. Москва.1900/ стр. 31.

В чем же причина этого крутого поворота в отношении общества к работе Сада?

С потрясающей правдивостью, граничащей с пророчеством, причины эти были своевременно указаны профессором **Богдановым** при первых признаках начавшегося неблагополучия. В своих «Заметках о зоологических Садах» **Богданов** говорит:

«причиной охлаждения к Саду общества бывает то, что дело начинают люди идеи, люди мечты, а подхватывают люди материальных интересов и повертывают дело на кормление себе...»

«При запахе денег такие люди убеждают легковверных, что они спасители того дела, которое фактически они убивают.»

Результаты этих «установок» не заставили себя долго ждать.

В первые же годы основания Сада друг за другом уклоняются, отходят от него его бывшие члены-основатели. Задолженность его растет и это не смотря на щедрые повторные субсидии правительства и частных лиц. В конце концов, Сад отдан был в аренду некоему Рябинину. Вполне оправдывая стиль культуры своего однофамильца, именно подрядчика-дровяника, так бесподобно выведенного **Толстым** в его «Анне Каренине», Рябинин после пятилетнего хозяйничанья в Саду, сдал его Обществу (1878 г) в состоянии полного развала.

Роковые следствия этого темного периода в жизни Зоосада еще долгие десятилетия давали себя знать не только виде денежного долга, пребывавшего на Саде, но и в охлаждении к нему симпатий части общества.

И возвращаясь мысленно к этим восстановительным годам из жизни Сада, нелегко сказать, в чем заключались главные и органические трудности его существования.

Конечно, всего прежде денежные затруднения.

Как это явствует из кассовых отчетов того времени, доходы Сада превышали регулярные его расходы на лежавший на нем долг (свыше 60.000 рублей) препятствовал осуществлению серьезных улучшений.

И, однако, вспоминая общий вид московского зоологического Сада полстолетие тому назад, при бывшем директоре И.А. **Антушевиче**, я затруднился бы сказать, что эта общая картина в состоянии была бы оправдать особые неудовольствия и нарекания.

Имелось о ту пору несколько солидных каменных построек и хотя значительное большинство звериных помещений было деревянное, но все же не они определяли общую картину и оценку Сада, и не цветники, разбитые повсюду, а подбор животных.

Но изменчивый по своему составу этот бывший некогда подбор животных был совсем не плох, а в некоторых своих частях мог бы привлечь внимание крупнейшего специалиста.

Здесь достаточно отметить лишь такие перлы, как Сайгак, Даман, Кавказские Горные Индейки, Саджи, Саксаульные Сойки, Голая лошадь и Медведь Тяньшаньский.. («Урсус леуконикс»).

Но, разумеется, не этими зоологическими редкостями мог определиться интерес Москвы к ее Зоологическому Саду: для широкой массы обывателей деликатесы эти были совершенно беспредметны.

Также не влияла на суждение широкой публики прекрасная коллекция животных одомашненных, особенно **Овец**, а среди птиц прекрасные подборы **Кур** и **Голубей**.

Решающим — увы! и частью с полным основанием являются отделы Зоосада, посвященные привозным, экзотическим животным, «задирающим» внимание публики. Однако, и по этой линии подбор животных был совсем не плох: имелись превосходные индийские слоны (как знаменитый «Мавлик»), а из крупных хищных не переводились тигры, львы и леопарды.

Почему же вопреки всем этим положительным чертам и свойствам Зоосада в ту пору чувствовал себя как то непрочно, неуверенно, на положении «Золушки»?

Причины эти коренились столько же в манере управления Зоосадом, как и в поведении московской публики.

Для иллюстрации последнего достаточно напомнить следующий факт.

Мы видели, что, как тяжелое наследие былых годов, на Саде тяготела крупная задолженность, в размере до 70.000 рублей, не позволявший думать о каких либо фундаментальных улучшениях или постройках.

Но достаточно лишь было бывшему директору его, В.А. **Погоржельскому** приняться за организацию показа зрелища «Борьбы», входившей о ту пору в моду, и московский обыватель хлынул в Зоосад на созерцание борцов.

В итоге то, чего бессильны были сделать львы и тигры, сайгаки, даманы, сойки саксаульные и горные индейки, выполнили в пару лет «борцы» открытой сцены, окупившие не только свои собственные мышцы, но позволившие рассчитаться с кредиторами и на оставшийся излишек, в несколько десятков тысяч, возвести второй этаж на «Спиридоновском» кирпичном здании для травоядных и организовать Зал Заседания и Лабораторию Зоологического Сада.

В самом подлинном буквальном смысле слова, эта зала заседания, в которой мы сейчас находимся, построена когда то если и не на «костях», то на упругих мышцах нескольких борцов-атлетов.

Можно с полной уверенностью утверждать, что пойдя тогдашняя администрация Сада несколько дальше в этом уклонении от зоологизма, или, говоря точнее, в направлении зоологизации людей, введением «женской борьбы», т.е. показа, демонстрации борцов женского пола (а такие «зрелища» тогда практиковались..) и бюджет Зоологического Сада приумножился бы во много раз, позволив возведение всех требуемых зданий....

К счастью, или к чести для Зоологического Сада, этой жертвы не потребовалось от него а проявившееся вскоре охлаждение к этому виду спорта механически лишило Зоосада этих сомнительных источников дохода.

Но едва ли нужно говорить, что этот временный финансовый успех был куплен дорогой ценой: придачи Зоосаду нежелательного, несерьезного оттенка приближения его к увеселительным садам, обильно насаждавшимся в ту пору по Москве и конкурировавших легковесностью своих «аттракционов».

В этом вынужденном прибегании к сомнительным источникам дохода можно говорить скорее о «**бед**е», чем о «**вине**» Зоологического Сада.

Более сурово нам пришлось бы оценить другую сторону и установку, относящуюся к собственно научной деятельности учреждения.

Всем известна ядовитая заметка, посвященная московскому Зоологическому Саду, вышедшая в свое время из пера Антона Павловича **Чехова**, высмеивающая «научную» работу Сада, в частности его Лаборатории.

Не отрицая ряда вопиющих неполадок и курьезов в жизни Зоосада того времени, увековеченных его же персоналом и цитируемых **Чеховым**, нельзя не указать, что приведенные в «Заметке» факты падают на время (1878-79), приходящееся после возвращения Сада от хозяйничавших в нем арендаторов, т.е. в такую пору, когда занятые воссозданием расстроенного учреждения администрация его ослабила контроль над служащим или лабораторным персоналом.

Обобщать поэтому работу Зоосада в целом, исходя из малограмотных нелепых записей безызвестных служащих за время лишь немногих месяцев едва ли обосновано и справедливо.

И, однако, вот что замечательно.

Просматривая имена ученых, возглавлявших некогда научную работу Зоосада с года основания его, нас поражает факт, что почти все виднейшие зоологи Москвы имели отношение к этой работе и не только из числа учеников профессора **Богданова** (как Тихомиров, Зограф, Вагнер, Кулагин и Кожевников), но и стоявшие вне школы этого последнего (профессора Усов и Борзенков), а среди лиц заведовавших столь охаянной Лаборатории стояли П.И. **Митрофанов** и Н.В. **Насонов**, — приобретшие позднее имя выдающихся ученых.

Но тем более заслуживает быть отмеченной полнейшая неадекватность собственно научных достижений Зоосада этим именам, даже учитывая то, что большинство их приобщилось к Зоосаду в молодые годы.

И в искании причин этого странного явления, несоответствия продуктивности Московского Зоологического Сада и имен зоологов, стоявших к нему близко в продолжение первого сорокалетия (1864 — 1904) мы не ошибемся, указав на следующие основные:

- I. Продолжавшаяся шаткость Сада в отношении финансово-экономическом и это вопреки повторным льготам, взносам и субсидиям со стороны правительства и частных лиц. Легко понять, что связывать свою научную работу без уверенности в окончании ее и при обязанности быть готовым каждый день прерывать ее из-за угрозы видеть часть животных проданными «с молотка» — условия не слишком благодарные для планомерной и уверенной работы.
- II. Частые смены, замещения директоров, а в первые десятилетия «коллегиальность» управления, лишенная единовластия, необходимого особенно для учреждения типа Зоосада, оперирующего с живым и малостойким материалом.
- III. Неясность, или говоря точнее, непомерная обширность целей и задач, поставленных себе тогдашним Зоосадом, обнимавших и задачи Акклиматизации (без точной расшифровки этого суммарного понятия...), и показательно-учебные задания, и «улучшения» пород наличных одомашненных животных, вряд ли достижимого в масштабе, сколько-нибудь крупном, без наличия подобного хозяйства и без массового племенного материала.
- IV. Разрыв между составом материала Сада и ближайшей специальностью зоологов, стоявших близко к Саду, в большей своей части представлявших Зоологию **беспозвоночных** (Тихомиров, Зограф, Кулагин, Кожевников..)
- V. Совместительный характер деятельности ученых, привлекавшихся к работе в Зоосаде: отдавая этому последнему лишь свой досуг, ученые зоологи бывали вынуждены ограничиваться небольшими темами или заметками эпизодического типа и воздерживаться от работ детально-углубленного монографического содержания.
- VI. Эпизодический, «налетный» стиль работы большей части авторов использовавших материал Зоологического Сада, проживая вне последнего, имея основную базу для работы в Университете, персонал зоологов довольствовался «выездными» и отрывчатыми наблюдениями, дававшими отрывочные результаты. Лица, проживавшие на территории Зоологического Сада в большей своей части не имели отношения к науке (служащие канцелярии, кассиры..), а работники науки, связанные с Садам, проживали вне последнего.

VII Младенчество, а частью неизвестность для своей поры ряда наук, особо благодарных для их приложения на материале Зоосада: здесь достаточно напомнить о Генетике и современной Зоотехнике, без применения которых опыты по метизации животных остаются грубой эмпирией; наконец, проблемы Психологии животных, на глазах у нас, нашедшие в Зоосадах свою исконную и плодотворнейшую базу.

И, однако, самым главным отрицательным моментом в жизни и работе нашего московского зоологического Сада оставалась полная необеспеченность его со стороны финансовой и материальной, вызывавшей во всех причастных к нему лицах, а тем самым и научным деятелям, то непроходящее настороженное, нервящее и неуверенное настроение, о котором ничего не знали те академические критики, которые с вершины своего бюджетного благополучия высмеивали неполадки Сада в бытовом или научном отношении.

Но если даже согласиться, что научная продукция Зоологического Сада не стояла в соответствии с научным стажем лиц, так или иначе с ним связанных, то видеть в этом корень и причину понижения к нему внимания общества, так думать значило бы отнести к вопросу слишком отвлеченно и формально.

Будем помнить: подавляющее большинство зоологических садов Америки и Западной Европы никакой «исследовательской работы» не вело и не ведет (помимо описания отдельных редких новых подвидов животных, попадающих в эти сады и ускользнувших от профессиональных глаз торговцев..), обстоятельство, не помешавшее этим садам занять упроченное положение.

Но даже там, где, как в Зоологическом Саду столицы Англии, лаборатории анатомо-паталогического типа существуют, проводящиеся в них работы ультра специальные по содержанию не делаются достоянием широкой публики и ни в малейшей мере не влияют ни на посещаемость, ни на суждения лондонцев об их любимом «ЗУ».

И всего менее могли сказаться на оценке москвичами нашего Зоологического Сада резкие печатные суждения о **ботанической** его Лаборатории и фельетонные высмеивания **Чехова**, когда то анонимно помещенные им в петербургском «**Новом Времени**».

Можно уверенно сказать, что массе москвичей московская брошюра, как и петербургский фельетон остались неизвестными, и что раскритикованные (справедливо!) **ботанические** опыты при самой их идеальной и научной постановке не повысили бы ни симпатии к **Зоологическому** Саду, ни наплыва в него массового зрителя.

А что последний, наш тогдашний средний обыватель вообще не отличался щепетильностью в вопросе о «научном профиле» Зоологического Сада, подтверждался массовым в него наплывом публики, как скоро в дополнение к медведям и тиграм стали демонстрироваться и борцы, неизмеримо уступавшие им в ловкости и силе.

И на фоне вышеупомянутых хронических недугов или неполадок отступали на второе место по своей фатальности для Зоосада его временные неудачи и потери, будь то роковые следствия эпизоотии, наводнений, или гибель зоосадского Аквариума, оказавшегося случайно в поясе артиллерийского огня при подавлении декабрьского восстания 1905 года.

Ценные как дополнения, аквариумы даже в том прекрасном виде как они сейчас имеются в нашем Саду, не призваны решать ни ценности садов, ни степени их популярности у населения: решающим являются состав и содержание коллекции по высшим позвоночным, и не столько местным, сколько экзотическим.

Но именно по этой линии подбор животных Сада на пороге настоящего столетия совсем не представляется таким плохим или бесцветным, чтобы оправдать начавшееся охлаждение к нему московской публики.

Мы повторяем: ни «научной скромностью», ни таковой коллекций, в общем все же поучительных для массового зрителя, нельзя понять и объяснить тот факт, что полстолетия по основании Сада, он не смог поддерживать себя в порядке самоокупаемости, еще менее достойным образом расти и развиваться.

Настоящие причины этого лежали глубже, коренясь в особых бытовых, психологических условиях и установках того времени.

Начать с того, что самый многочисленный и постоянный посетитель нынешнего Зоосада, **школьник**, как явление массовое в разбираемую пору не существовал: господствующим типом Средней Школы того времени была **Гимназия**, в которой Биологии не полагалось.

За двенадцать лет, мною затраченных на обучение в Средней Школе, не было предпринято всем классом ни одной экскурсии и посещение Зоосада школьниками было делом их приватной инициативы. Но и взрослый обыватель к разбираемому времени — концу минувшего или началу нынешнего века, сильно изменился по сравнению со средним (по достатку и культуре) москвичом былых времен: размножившиеся в избытке «летние сады» типа «Аквариумов», «Луна-Парк», и «Эрмитажей» с их мало разборчивой, но зазывательной программой развлечений приучили москвичей к аттракционам, более заостренным, чем созерцания слонов и тигров в Зоосаде.

Конкурировать с открытыми эстрадами и скетчами этим последним было явно не под силу, даже в цирковой, аренной обстановке.

Об организации эффектных свиду панорам по типу Гагенбека с привлечением прыгающих по бетонным утесам козерогов, новизной и импозантностью могущих захватить внимание массового рядового зрителя, отвлечь его от прыгающих шансонетных «див», не приходилось говорить, не только из-за новизны этого дела (как известно, Стеллинговский Парк открыт был в 1907.году..) но и потому, что для сооружения таких ландшафтов не хватило бы ни территории, ни денег.

Оставалось лишь одно: Не отвергая по неволе арендаторов-антрепренеров летнего театра и эстрады, пополнять доходы устройением Выставок по Цветоводству или Птицеводству, органически увязывая их с задачами Зоологического Сада.

Справедливость требует признать, что эти Выставки издавна пользовались большим успехом и приятно контрастировали с легковесностью увеселительных садов тогдашней обывательской Москвы.

Особенно удачной оказалась Выставка, устроенная в 1908 году, так наз. «Юбилейная»: масса цветов в особо для того сооруженных павильонах и внушительный подбор животных Сада позволяли позабыть на время органический его недуг: неизживаемую шаткость в материальном отношении, зависимость бюджета от погоды и от предприимчивости директоров, в числе которых наиболее потрудились в свое время И.А. **Антушевич** (с 1895 года) и сменивший его десятью годами позже В.А. **Погорельский**.

Положительным мероприятием последних лет до Революции явилось учреждение особой «**Наблюдательной Комиссии**», составленной из членов Общества с обязанностью в порядке добровольчества и, разумеется, бесплатности следить за управлением и жизнью Зоосада.

Давний и энтузиастичный друг Московского Зоологического Сада, еще будучи учеником Гимназии, мальчиком-гимназистиком VI-ого Класса, я участвовал на Зоосадских Выставках своими экспонатами.

Тремя годами позже, гимназистом VIII-ого Класса, совершивши при поддержке Сада первую научную поездку по Сибири, я уже в ту пору полстолетие тому назад, старался в меру сил содействовать успеху Сада доставлением из своих поездок всякой живности, в виде Орлов и горных куропаток.

Дважды премированный серебряными медалями **Общества Акклиматизации** за экспонаты собственной работы (1896, 1899) я в течение ряда лет широко пользовался мелкими отходами животных Зоосада для своей музейской, препараторской работы, а позднее, будучи студентом, я с не меньшим энтузиазмом пользовался мертвым зоосадским материалом для сравнительно-анатомических работ.

При этой долголетней близости моей к Зоологическому Саду было лишь естественно и справедливо приглашение меня в Члены **Наблюдательной Комиссии** и поручение мне от ее имени составить описание коллекций Зоосада в виде популярного иллюстрированного очерка.

Работа эта была выполнена мною уже накануне нашей Революции, потребовав огромного труда по фотосъемке большинства животных мною лично проведенной помощью большой зеркальной камеры.

Опубликованная только небольшим тиражом авторских лишь экземпляров, эта книжка, ныне архаичная по тексту, но прекрасная по оформлению, в наивысшей мере подтвердила истинность старинной поговорки, говорящей о различных судьбах, выпадающих на долю книги...

Такова была общественная конъюнктура, материальные условия, тип управления и скромное мое участие в жизни московского Зоологического Сада накануне Октябрьской Революции.

Имелось **Общества Акклиматизации**, формально ведавшее Зоосадам и через посредство **Наблюдательной Комиссии** из членов общества руководившее работами и жизнью Сада, управлявшегося непосред-

ственно его Директором, талантливым и энергичным молодым зоологом, магистром Зоологии, Ю.А. **Белоголовым**, незадолго перед тем занявшим этот пост.

Имелся очень недурной подбор животных, в том числе прекрасная коллекция **Фазанов, Попугаев, Страусов, Зебр, Туров**, а среди хищных — редкое собрание **Львов**, издавна хорошо плодившихся в Саду.

Гораздо хуже дело обстояло с помещениями и всего хуже в отношении финансовом. Почти всецело предоставленный себе, с ничтожной лишь субсидией от государства, Сад экономически базировался всего прежде на входную плату, т.е. на погоду, фактор, столь же не учитываемый, как и досуг или симпатии рядового москвича, готового в любой момент переключить свое внимание от зоосадского **аквариума** на одноименный «**Летний Сад**» и созерцание зверей и птиц на таковое дрессированных собак или канатных плясунов.

На фоне этой сложной, спорной и условной конъюнктуры, полной величайшей неопределенности, угроз, тревог и опасений — неизменным и бесспорным оставалось лишь одно: неиссякающая воспитательная роль Зоологического Сада для бесчисленных и молодых по преимуществу его друзей и почитателей.

Эти последние не спрашивали ни о полноте состава тех или иных животных групп, ни об «уклонах», направлениях, научных изысканиях.

Эмоционально изживаясь в дружеском общении с узниками Сада, эти молодые зрители не замечали ни изношенных решеток, ни трухлявых зданий и охотно, радостно прощали и заросшие тропинки и «наростившие» копыта, и излишек тины на прудках или пахучести лисятника (как будто улицы или дворы московские напоены были дыханием олеандров, роз и резеды!)

И, как всегда, прекрасны вопреки несовершенству подаваемой оправы — клеток и загонов — оставались самые животные, источник чистой радости, тем больший, чем труднее становилось при стремительности роста города использовать для детворы приволье прежних городских окраин.

Таковы были условия и обстановка жизни зоосада в дни, предшествовавшие нашей Великой Революции, влияние которой оказалось тем решительнее и внезапнее, что самая война и Революция февральская сказались мало на экономической и повседневной жизни Зоосада, отразившись более на ботанических объектах, отведением свободной зоосадской площади под огороды.

Повторяем, что помимо вытеснения флоксов и петуний свеклой и капустой, да призывом некоторых служащих, жизнь Зоосада в годы империалистической войны ничем особенно не выделялась: при тогдашней отдаленности арены боя и несовершенстве авиации, Москва была «глубоким тылом» и в академических кругах, за вычетом немногих лиц, стоявших ближе к политическим событиям, никто не слышал приближавшихся раскатов величавой очистительной грозы и бури.

Но настал, пробил великий судный день, прелюдии которого давно давали себя чувствовать для наделенных соответствующим слухом.

Его не было у большинства академических ученых и, пожалуй, всего менее у деятелей Зоосада: занятые повседневными заботами по изысканию средств, головка Сада, как профессора **Белоголовый, Каблуков, Кожевников** и члены Наблюдательной Комиссии были застигнуты Великой Революцией врасплох и далеко не сразу сориентировались в новом положении.

К тому же до весны девятнадцатого года (подписания В.И. **Лениным** декрета о национализации Моск. Зоол. Сада 27 Марта 1919 года), Сад фактически и номинально оставался в ведении Общества Акклиматизации и самая тяжелая пора столицы, годы тифа, холода и голода, стояли впереди.

Но положение резко изменилось с национализацией Зоологического Сада.

Как лишенное своего главного источника не только огорчений и хлопот, но и предмета деятельности и повода почета и признания, Общество Акклиматизации, лишившись Сада, своего исконного и подлинного детища, своей единственной заботы и заслуги, потеряло смысл своего существования.

А принимая во внимание, что близко к Саду и его судьбе стояло относительно немного членов Общества, к тому же уделявших ему только время своего досуга, можно без труда понять, что продолжать работы в роли «волонтеров» среди бывших членов Общества охотников не оказалось.

Заявив резиньятивно и вполне резонно на одном из заключительных своих собраний и устами Председателя, что «революция имеет свои права!», не акклиматизировав за полстолетие ни одного животного, ни одного растения, Общество Акклиматизации сошло со сцены, продолжая жить лишь в самом ценном, ответственном своем создании — **Московском Зоосаде**.

Новая эпоха открывалась с национализацией для жизни Зоосада, но сказать, что эта новая эпоха ознаменовалась с первых ее дней расцветом, значило бы забывать о грозной героической поре, которую переживала в это время наша Родина; именно летом 1919 года положение ее грозило стать критическим: Юденич — с Запада, Колчак — с Востока и Деникин — с Юга и войска последнего уже приближались к Туле. А по ликвидации фронтов огня и крови надвигался новый фронт борьбы с последствиями интервенции и блокады: с тифом, голодом и холодом.

Подобно всей стране и Зоосаду предстояло предварительно пройти сквозь полосу тяжелых испытаний до того, как приступить к развернутому мирному строительству и творческому обновлению.

И если предыдущая вся жизнь Зоосада протекала в обстановке острой нищеты и непризнания, то ставши после Революции на положении государственного Учреждения с твердо установленными штатами и государственным бюджетом, Зоосад все же не мог в первые годы должным образом воспользоваться этими благами, ибо предстояло пережить суровый предварительный «восстановительный» период, преодолеть годы разрухи, вызванной войной и вражеской блокадой.

Предстояло прежде, чем достигнуть полного расцвета Зоосада и использовать громадные возможности, даваемые лишь Социализмом, пережить **четыре** года небывалых трудностей «восстановительной» эпохи, этого своеобразного «чистилища», этой проверки, этой ставки на оправданность существования учреждений и тех лиц, которым они были вверены в ту знаменательную и решающую пору.

Эта миссия водителя, сопровождавшего когда то **Данте** по Чистилилищу, эта ответственная роль «советского Вергилия» по отношению к московскому Зоологическому Саду, положение лоцмана в его обязанности провести доверенный ему корабль через рифы и буруны, в свое время выпали на мою долю.

Краткому обзору этой переходной и восстановительной поры из жизни Зоосада Вы позволите посвятить вторую половину моей речи.

Но сначала важная существенная оговорка, обгоняющая, почему в Истории московского Зоологического Сада мы избрали переломным рубежом не только Акт о национализации, но также переход Зоологического Сада в ведение **Моссвета**.

Причина этому, конечно, та, что оправдание и смысл моей речи я хотел бы видеть не в цитировании общеизвестных формул, лозунгов и трафаретов, но в изображении характерных, малоизвестных эпизодов в жизни Зоосада и тех трудностей, с которыми ему пришлось бороться в первые четыре года после национализации, годы разрухи, вызванной войной и интервенцией.

Полезно помнить: Если в свете небывалого расцвета **Зоопарка** после перехода его в ведение Моссвета — достижения в годы моего директорства и могут показаться скромными, то в свете тех условий и возможностей, которые имелись **до** означенного перехода, критика или оценка тех четырех лет представляется, быть может, в несколько ином аспекте.

Поступать иначе, значило бы поступаться не одной лишь истиной, но и моралью. Все равно, как если бы сказать: «До оснащения своего новейшей огнестрельной техникой, в первые месяцы войны, Красная Армия, борясь и отступая, не была на должной высоте!»

Нет! — скажем мы: Пусть не по внешнему эффекту, но по энтузиазму воин **Красной Армии** бутылками горючей смеси отражавший вражеские танки в первые месяцы войны не уступал, конечно, тем бойцам, которые полгода позже в тех же целях пользовались бронетанковыми пулями.

И совершенно также невозможно сравнивать успехи или состояния Зоосада **до** и **после** перехода его в ведение **Моссвета**, не учитывая кардинальной разницы в условиях работы, материальных и людских ресурсах.

И, конечно еще менее уместно заключать по скромности успехов о размерах понесенного труда и преданности делу.

Будем помнить, что удачно брошенный накоротке во вражий танк сосуд с горючей смесью требовал не менее отваги, чем использование из надежного прикрытия усовершенствованных огнеметов.

Забывать поэтому за скромностью былых конкретных достижений Зоосада о работе, о трудах, затратах сил внимания и средств его былых работников ДО перехода Зоосада в ведение **Моссовета**, значило бы оказаться недостойным звания историка и гражданина.

Часть 2-ая: От Национализации до перехода в ведение Моссовета. / 1919-1924./

С изъятием **Зоологического Сада** от его бывшего основателя-хозяина, **Русского Общества Акклиматизации**, это последнее оказалось в положении управляющего без управляемого, в роли капитана без судна.

Итог подобной ситуации был ясен: умирание Общества и выдвигание вопроса о дальнейшем руководстве Зоосадом.

Разрешение этого вопроса предстояло Комиссариату Просвещения, в ведение которого Сад поступил, и в частности Научному Отделу **Наркомпроса**, возглавлявшемуся профессором **Артемьевым** и заместителем его — **В.Т. Тер-Оганесовым**.

Но прежде чем проследить дальнейшую судьбу московского зоологического Сада, нам необходимо сделать небольшое отступление персонального характера.

Изведая на себе все прелести казенных школ и оказанного Университета, испытал китайщину программы магистерских испытаний и познав всю горечь обращения к частной помощи для поддержания основанного мною Дарвиновского Музея, мне не стоило особого труда понять всю грандиозность Октября и его роли, как раскрепостителя культуры от цепей академического гнета оказанной науки.

Чуждый о ту пору и политики и партий, я инстинктивно чувствовал, скорее, чем осознавал, широкие возможности, которые открывались Октябрем для личной и свободной инициативы в области науки и ее расширения.

В широкой мере помогла мне укрепиться в этом взгляде моя близость к старшему товарищу по бывшим Женским Курсам, члену большевистской партии, профессору-астроному, Павлу Карловичу **Штернбергу**, участнику октябрьских боев, организатору Красной Милиции и Комиссару г. **Москвы**, руководителю работой **Наркомпроса** до приезда **Луначарского**.

Все вместе взятое побудило меня с первых дней Советской власти предложить свои услуги Наркомпросу по обслуживанию ряда учреждений.

Таковы были условия и установки, когда летом 1919 года я был вызван в **Наркомпрос** на заседание Научного его Отдела, посвященное вопросу об организации и управлении Зоологического Сада.

Среди созданных на совещание были кроме бывшего Директора Зоологического Сада, проф. **Н.М. Кулагина**, бывшего же инспектора **Д. Россинского**, Зампредседателя Общества Акклиматизации, проф. **Г.А. Кожевникова**, и Директор Сада, молодой талантливый исследователь Африки, магистр зоологии и мой бывлой когда-то спутник и товарищ по работе на зоологической Станции на юге Франции, **Ю.А. Белоголовый**.

После обмена мнений о путях и мерах к упрочению Зоосада, мне от имени Научного Отдела **Наркомпроса**, при поддержке всех присутствовавших было сделано категорическое предложение — взять на себя научное руководство московским Зоосадом и при том немедленно ввиду отказа от директорства проф. **Белоголового** и его срочного отъезда из Москвы.

Мотивами моей кандидатуры выставлялась моя давняя активная работа в роли члена Наблюдательной Комиссии и то, что за отъездом из Москвы значительного большинства зоологов-фаунистов по причине надвигавшегося топливного и продовольственного кризиса (не говоря уже о других мотивах!) — я оказы-

вался чуть ли не единственным из более молодых зоологов Москвы, стоявшим близко к Зоосаду и знакомым с его нуждами и персоналом.

Зная многолетним опытом, какое сложное, тяжелое, большое и больное учреждение собою представлял наш Зоосад, я думал отказаться, вопреки настойчивым советам, уговорам всех присутствовавших, в том числе него Директора, моего бывшего однокурсника по Университету, Ю.А. **Белоголового**.

И лишь решительное заявление проф. **Артемьева**, что в случае моего отказа от директорства московский зоосад окажется поставленным перед угрозой его временной эвакуации и распыления по городам Поволжья, лучше обеспеченным и продовольствием и топливом, побудило меня спросить несколько дней на размышление.

Едва ли надо говорить, что результатом такового было мое вынужденное согласие, но с оговоркой, что хозяйственная часть будет доверена особому лицу.

В ходе последующих обсуждений **Наркомпрос** остановился на коллегиальной форме управления, при которой функции хозяйственной, научной и культмассовой работы доверялись трем отдельным лицам, в звании «членов Коллегии» и с возглавлением одним из них на положении Председателя.

В роли последнего был приглашен профессор-психиатр **Рыбаков**, хозяйственником — некий **Иванов**, заведование научной частью Сада поручалось мне.

Таков был скромный, наспех скроенный триумvirат из трех людей, дотоле не встречавшихся, сошедшихся случайно на посту, в работе, мыслимой и плодотворной только при условии идейной солидарности, единства понимания задач и целей и предельной слаженности их практического выполнения.

Действительность лишь подтвердила эти предпосылки но, увы! лишь доказательствами «от противного», прибавив к внешним трудностям или препятствиям, космически неустранимым, новые помехи и преграды, менее высокого порядка.

Проявились они, впрочем, далеко не сразу и в течение первых месяцев ничто не предвещало самой их возможности.

Напротив, полное внимание Научного Отдела **Наркомпроса** к нуждам Сада и широкая его поддержка всеми органами **Моссовега** и Правительства по линии финансовой и бытовой — сулили Зоосаду в первый раз за все многострадальное существование условия бесперебойной творческой работы.

И, хотя пределы и тематика ее были конечно ограничены наличным материалом, тем не менее, имевшихся животных было более, чем достаточно для планомерного научного его использования в объеме и многообразии, дотоле неизвестных.

Так, впервые планомерно удалось поставить опыты по скрещиванию Млекопитающих различных видов (Тура с Безоаровой козой, Зебу и Яка, волка и собаки) и полученных гибридов закрепить рисунками, картинками и фотоснимками.

Еще обширнее сложились опыты по скрещиванию мелких одомашненных зверьков (Морские свинки, Кролики..) и птиц (Фазанов разных видов: получение «мозаических гибридов» Золотого и Алмазного, Кавказского и Золотого и Кавказского с Серебряным..), различных видов уток и гусей (обыкновенного и красноносового «уфимского», для подтверждения абберационного характера последнего..), гибридов голубей домашних (повторение дарвиновского опыта по скрещиванию «белого павлина» с «черным индианом») с получением в третьем поколении «сизых веерных», т.е. «трубастых» с оперением дикого голубя.

Особенно удачно удалось поставить опыты над курами, чему содействовал хороший для переживаемой поры подбор пород, как и неполнота отдельных «гнезд», т.е. наличие для некоторых пород либо одних лишь петухов, либо одних лишь кур, факт, исключавший разведение породы в чистом виде и оправдывавший выведение гибридов.

Не входя в детали, можно указать на проведение десятков опытов и получение свыше сотни интереснейших гибридов, поясняющих главнейшие закономерности в наследовании окраски и рисунка оперения и структурных признаков: формы гребней, явления многопалости и голошейности...

Не претендуя в большей своей части на оригинальность или новизну достигнутых результатов эти опыты позволили впервые демонстрировать на свежем, непредставленном в литературе материале основные правила или закономерности наследственности и гибридизации.

Насколько опыты такого рода соответствуют задачам Зоосада явствует хотя бы из того, что в свое время, единственный опыт скрещивания только двух пород («Доркинг» и «Брэкель») приведен был специально в годовом Отчете Зоосада с указанием, что «такой успех заставит наш Сад в будущем году предпринять целый ряд опытов метизации различных пород между собою..» (**Вестник Зоолог. Сада** № 3 за 1908 год. Отчет Директора В.А. Погоржельского).

В отличие от этого эпизодического опыта, незакрепленного ни зарисовками, ни фотоснимками, ни в натуральных препаратах, опыта пропавшего бесследно, проведенного «в пустую», все полученные нами помеси подвергались именно такому закреплению в красочных таблицах, зарисовках, фотоснимках (лично мною сделанных) и в первоклассных препаратах, монтировках, проведенных лучшими таксидермистами.

В итоге — свыше сотни ценных экспонатов, находящихся в собрании Дарвиновского Музея, представляющих единственный в Европе демонстрационный материал громадной ценности для птицеводов, практиков животноводства, педагогов, слушателей птицеводных техникумов или школ.

Но несомненно еще лучше, мелодичнее, оригинальнее, ценнее по конечным результатам удалось использовать животных Зоосада в отношении сравнительно-психологическом.

Едва ли можно сомневаться, что за всю историю Московского Зоологического Сада удалось впервые подойти к его животным в этом наиболее оправданном аспекте: изучения повадок и инстинктов т.е. самой жизни, изучение которой недоступно ни музеям, ни лабораториям....

«Брачные игры», «пляски» и «турниры», «формы гнездования» — «уход за молодью» — «заботы о потомстве», — «проявление инстинктов стадности» «движения угрозы» — эти, как и многие другие формы проявления психики животных были закрепляемы изо дня в день в страницах дневников и зарисовках, сделанных с натуры красками, карандашом и маслом нашим лучшим рисовальщиком животных, В. **Ватагиным**, по приглашению моему переселившимся на лето в Зоосад, чтобы всегда иметься на лицо для закрепления отдельных, часто мимолетных сцен из жизни, навыков и поведения его четвероногих и пернатых узников.

Можно уверенно сказать, что никогда, нигде в зоологических садах Европы и Америки жизнь их питомцев не фиксировалась так детально и любовно, как за годы моего научного заведования Зоосадам.

Сколько раз за время моего директорства и проживания на территории зоологического Сада, служащим при тех или иных животных приходилось чуть не до рассвета срочным образом докладывать о тех или иных «событиях» из повседневной жизни опекаемых животных, всего чаще об очередных приплодах редких видов, тут же закрепляемых всегда готовыми пером для протоколов и карандашом для зарисовок проживавших именно для этого в Саду Н.Н. **Ладыгиной-Котс** и В. **Ватагина**.

В итоге — уникальный по научной и художественной ценности альбом рисунков и дневник научных записей, ценнейший материал, имеющий наглядно показать, что можно сделать на сравнительно простом, неярком материале силами 2-3 сотрудников (среди которых кроме уже упомянутых должно особенно отметить многогранную самоотверженную работу П.П. **Смолина**..) в условиях и обстановке, лишь едва достаточных для голого существования животных и людей в охваченной блокадой, холодом и голодом столице но в стране, руководимой подлинно демократичной властью, находившей время и возможность даже в то катастрофическое время относиться чутко и отзывчиво к науке и ученым, к массовому просвещению...

И невольно хочется сказать: Какой чудесный уникальный материал научный и при том глубоко благодарный для широкой массовой наглядной популяризации науки можно было бы собрать, продлись эта работа за пределы ограниченного материала, бывшего в те годы временно в моем распоряжении.

И далее: Какой чудесной вдохновляющей страницей прошлого в истории московского зоологического сада (как она сказалося в частности для Дарвиновского Музея..) оказались бы те первые великие и героические годы после Октября, не омрачась они для Сада рядом темных загрязняющих их пятен...

Но сначала маленькое отступление.

Давно известно, ибо много раз проверено историей всех стран и всех времен, что никакая высота и чистота общественного начинания не оберегает от вмешательства людей корыстных целей, низменных житейских помыслов.

Но даже более того. Чем выше, идеальнее задачи учреждения, тем больше тянутся к ним всякие любители наживы, превосходно понимая, что «работника идеи» легче обойти, чем практика-дельца.

Но никогда этих попутных прилипал и паразитов не бывает столько, никогда злобедность их не чувствуется так остро, как в годы исторических великих переломов или кризисов, являющихся в то же время и годами подлинных проверок силы нравственного убеждения и моральной силы каждого отдельного лица.

В этой великой ставке на идейность жизни, на «идеализм» — (ибо многим ли дано бывает доживать до «материальной» жатвы?!) — в этом «перегонном кубе мировой истории», в этом горниле нравственных оценок нации фильтруются вся накипь человеческой культуры, отметаются отходы, шлаки человеческого быта.

И как солнце в капле, так неумолимо-ярко отразился этот исторический закон на крохотном но показательном участке в жизни нашего Зоологического Сада первых послереволюционных лет.

Но, как в болезнях органических, так и в недугах учреждения «служебная инфекция» обычно выявляется не сразу, а лишь после «инкубационного» периода, так и первые полгода жизни и работы «зоосадского триумvirата» протекала внешне-согласованно и мнимо- солидарно.

Мягкий по характеру но глубоко-культурный проф. **Рыбаков**, не будучи зоологом и опытным администратором, но замещая эти два пробела чувством такта и чутьем психолога, удачно сглаживал различные позиции других двух членов возглавляемой коллегии.

Но положение резко изменилось к худшему со смертью **Рыбакова** по прошествии всего лишь полугода его деятельности в Саду.

Помимо скверного обыкновения ознаменовывать свое вступление в управление Учреждением покупкой на казенный счет шикарной мебели и обстановки, мой «хозяйственник», чем дальше, тем все больше начал обнаруживать усиленные интересы к зоологии, но не заботами об обеспечении животных Сада нужными кормами, но с уклоном, несколько односторонним.

Так, зайдя однажды в помещение конторы Сада я не мало удивлен был видом двух гигантских чучел медведей на задних лапах.

Оба эти чучела, как оказалось, были куплены по дорогой цене для украшения канцелярии, на деле же в виде любезности по адресу их бывшего владельца, совмещавшего профессии охотника и ... ревизора.

Подкупив последнего этой медвежьей парой, мой хозяйственник обратил внимание и на живых животных, в частности на птиц, но не на попугаев или страусов, а на виды менее экзотические, именно на ..кур, затребовав в Контору Сада яйца нечистопородных кур.

На возражения мои, что яйца зоосадских кур являются на положении научных документов проводимых опытов по метизации, последовал приказ: сдавать в Контору яйца кур чистопородных, как и вообще все обнаруживаемые «излишки».

Получив же указание, что весь излишек получаемых яиц идет на корм цыплятам и не может быть расходуем для посторонних и частных целей, мой хозяйственник решил изъять Питомник Кур из ведения научного Отдела Сада, передав его, Питомник, постороннему лицу? приятелю-любителю и куроводу, жившему под Москвой с тем, чтобы по приятельски распорядиться курами и яйцами.

Для оформления этой передачи было инсценировано Заседание с участием Инспекции (представленной владельцем столь удачно проданных двух медведей!) и некоторых бывших деятелей Общества Акклиматизации, мечтавших про себя о невозможном: возвращении Зоосада в ведение несуществующего Общества и аннулировании Декрета о национализации Сада.

В продолжение пяти часов шло пререkanie о количестве яиц, высчитывавшихся поштучно и по дням — и это при десятках, забирававшихся хозяйственником в личный обиход.

О «качестве» кормов и это в голодающей столице, когда каждое кило овса или пшена невольно приходилось отнимать от детских яслей и садов.

О «нестандартности» приобретенных кур — и это в годы полного застоя птицеводного хозяйства, когда лучшие совхозы были рады получить хотя бы самую посредственную птицу.

Наконец, упрек в чрезмерном увлечении научного Отдела Зоосада собственно научными работами, упрек, настолько необычный, что смутил как будто даже неученых представителей собрания.

Закончилось собрание «свадебным» обедом, сервированным в конторе Зоосада для сторонников Хозяйственного Отдела, фестивалем, на котором с аппетитом поедались пышные блины, искусно выпеченные на чистопородных и гибридных яйцах, не достаточная выгонка которых была только что поставлена ввину Научному Отделу Сада.

В результате этого победно-заключительного пиршества явилась резолюция, всецело отдававшая в распоряжение хозяйственного Отдела Зоосада весь Питомник кур, гусей и уток к вьшему благополучию заведующего хозяйством, столь пророчески предвидено нашим гениальным баснописцем.

Не предусмотрел Иван Андреевич **Крылов** только того, что сотню лет спустя по написании им знаменитой басни, именно «**Лиса-строителя**», его грядущий прототип и человеческий прообраз будет действовать гораздо более открыто, не нуждаясь в никаких «лазейках».

Ну, а где же «**Лев**» Крыловской басни, по велению которого подстерegli «Лису-Строителя»?

Лев не заставил себя ждать.

Прошло немногим больше месяца (12.VIII.20) и по распоряжению «ЧК» двуногий «Лис-Строитель» оказался арестованным, а московский Зоосад освобожден от непомерного внимания хозяйственника к курам и медвежьим чучелам.

Но, к сожалению, и с удалением любителя живых «курей» и чучел медведей порядок в Зоосаде не восстановился: За изъятием «Лисы-Строителя» остались и при том во множестве «лисы», с тою разницей, что при тогдашнем положении в Столице с продовольствием громить этих «лисы» особенно не приходилось.

Осложнялась ситуация особыми условиями жизни и работы служащих, приставленных к животным, и неодинаковой экономической их ролью для людей, их опекающих.

Стихийно и традиционно с давних пор установилась среди служащих своя особая классификация зверей и птиц, их различение по ценности, как постоянных дополнительных источников дохода и при том в двойном отношении: легальном и неправомерном.

Первое, **легальное**, использование животных выражалось в том, что некоторые из них, как **Слон**, **Медведи** или **Обезьяны**, пользовались привилегией прикорма и подачек в виде хлеба, яблок и моркови, продававшихся служителями Сада публике и тут же отдававшихся животным с молчаливым «отчислением» известного процента в пользу служащего-продавца.

И справедливость требует признать, что ряд четвероногих опекаемых (как популярные у публики медведи «Плакса» и «Борец», умевшие каждый по своему выпрашивать подачки, в состоянии были бы и сами прокормить себя за счет охочих подаяний).

Но возможные лишь в прежние, былые годы, когда стоившая **три** копейки булка, продаваясь за **пять**, обеспечивала служащим хороший дивиденд, этот источник совершенно прекратился с наступлением экономического кризиса. Но тем пышнее стали развиваться и усваиваться формы нелегального использования кормов, путем удерживания части фуража, предназначенного для животных.

И естественно, что здесь, смотря по роду данного животного, доход «натурой» для служителя слагался далеко неодинаково, что наименьшая была доходчивость у служащих при хищных, потребителей конины, наибольшая там, где обслуживались куры или голуби, как потребители пшена и зерновых кормов.

Именно в этом смысле издавна установилась среди служащих, ухаживавших за животными своя классификация, куда более четкая и эффективная, чем все научные система **Шарпа** и **Фюрбрингера**.

При свете этой «продовольственной» системы и воззрения на Сад, как «кормовую» вотчину, шла с давних пор глухая и ожесточенная борьба служителей за наиболее доходные и выгодные «кормовые» должности или посты при тех или иных животных и борьба эта достигла апогея в годы продовольственной разрухи в годы моего директорства, напоминая сходную борьбу за «кормные места» во времена удельных княжеств, а позднее, при царях московских, при раздаче воеводств.

Таков особый специфический штришок экономического обихода Зоопарка, штрих, с которым приходилось, к сожалению, считаться.

Возвращаясь к прерванной истории Зоологического Сада и его «хозяйственного мученика» нам предстоит коснуться и отдельных положительных сторон в работе того времени, пришедшейся как раз на трудный 21-ый Год.

По удалении «Лисы-строителя» из Зоосада возникал вопрос о приглашении нового Заведующего Хозяйственным его Отделом и вопрос этот казался тем ответственнее и сложнее, что согласно вновь составленному положению о Зоосаде жизнь научная и хозяйственная строго разграничивались при полнейшей автономности последней.

Умудренный опытом, познавши цену привлечения к идейным начинаниям людей далеких умственной культуры, я решился с осени 1920 года пригласить на пост хозяйственника зоосада мою давнюю былую ученицу по Московским Внешним Женским Курсам, Члена Партии, повторно занимавшую ответственные посты в провинции.

И первые шаги моей помощницы в попытке наведения порядка на расшатанное учреждение были бесспорно положительные: Так удалось наладить вновь автомобильный транспорт и тем самым перевозку фуража в тяжелый «безлошадный» 21-ый год; сделать запасы топлива, осуществить фундаментальные работы по поднятию дороги и выгулов и провести дренаж, предупредив обычные их затопления; провести ремонт для ряда зданий, т.е. выполнить успешно ряд работ, не выполнявшихся до Революции.

На то же время падают значительные пополнения коллекций Зоосада: поступление четырех вагонов с дикими животными из Асканийского Питомника и одного — из Западной Сибири.

Справедливость требует признать, что независимо от этих новых транспортов, имевшихся до этого животных Зоосада было более, чем достаточно для проведения прекрасных, поучительных экскурсий, как о том свидетельствуют образцы восторженных, блестящих отзывов:

— «Впечатление от экскурсии по Зоологическому Саду было очень хорошее: абсолютная чистота, порядок, животных довольно много и те слухи были не верны, что в Саду все животные пали..»

20.VII.20. Трофимовская и Мерзляковская Школа. Е. Павлова.

— «Осмотр Зоологического Сада произвел отрадное впечатление. Несмотря на тяжелые условия он поставлен хорошо, видна любовь и заботливость по отношению к обитателям Сада со стороны его руководителей..»

13.VI.1920. Инструктор по дошкольному воспитанию Бологовского Унаробраза: /подпись/

— «То, что виделось всеми нами раньше — 2-3 года тому назад к общему удовольствию прошло: порядок, уход за животными и то необходимое, что редко так встречается в настоящее время — любовь к зверям, дало еще большее удовлетворение, имеющее безусловно воспитательное значение.»

Хотьковская трудовая опытно-показательная Школа.

Председатель Шк. Совета /подпись/

17.V.1920.

— «Зоологический Сад поражает своей обширностью и разнообразием животных. Впечатление экскурсантов хорошее.»

«Главным недостатком было малое время: на все обследование уделено 4 часа.»

Гороховская группа учителей. /Подпись/

— «Я, правда, не думала, что при настоящих тяжелых условиях я найду то, что видела и приношу глубокую благодарность тем, кто напрягал усилия, чтобы в настоящее время давать ответы на духовные запросы взрослых и детей...»

Воспитательница детей 5-Бологовской Школы /подпись/

17.V.1920.

Пробегаая эти отзывы (число которых можно было бы на много увеличить..), можно только удивляться той предвзятости, с которой, говоря о Зоосаде первых послереволюционных лет его биографы и критики рисуют жизнь Сада лишь в односторонне-черных красках, без упоминания о позитивных достижениях, явившихся той базой, на которой строилось дальнейшее благополучие и будущий расцвет зоологического Сада.

И, наоборот, о тех реальных трудностях, с которыми под флером внешнего благополучия бороться приходилось Зоосаду в недрах-тайниках его хозяйственного аппарата, те досужие биографы и критики доселе ничего не знали, ибо не хотели знать...

Но именно на эту внутреннюю, закулисную борьбу бесславно уходила большая часть времени и сил дирекции Зоологического Сада.

Началась эта борьба с того, что инициатива некоторых лиц хозяйственного аппарата Зоосада стала принимать все более размашистый диапазон.

Учитывая возрастающую трудность получения кормов хозяйственным отделом Сада была выдвинута мысль о приобретении нескольких Совхозов в целях обеспечения животных Сада нужными кормами и резервной площадью для крупных травоядных, издавна страдающих за теснотой садской территории.

Не отрицая в принципе полезности совхоза во внимание ко все чаще раздававшимся угрозам о возможном снятии Зоологического Сада с госснабжения, я предвидел, что при крайней сложности тогдашней экономики страны расходы по хозяйственному освоению имений подорвут бюджет зоологического сада до того, как можно будет говорить об их доходности.

Только настойчивые утверждения о невозможности дальнейшего существования Зоосада без совхозов и что на доходы с них по снятии зоологического Сада с госбюджета и придется главным образом существовать, побудили меня с тяжелым чувством санкционировать это сомнительное начинание.

Суровая действительность жестоко подтвердила эти справедливые сомнения.

Начать с того, что увлечение хозяйственников Зоосада делом приобретения совхозов постепенно приняло характер мании, или психоза.

Закрепив за Садам небольшое, но довольно отдаленное имение «Огниково» (около 60 десятин) Воскресенского уезда, Сад, точнее говоря, его Хозяйственный Отдел стал хлопотать о получении второго, большего участка, в 700 гектаров (так наз. Фабрично- Поповской дачи), а затем о приобретении третьего совхоза, знаменитого имения «**Троицко-Лыкова**» (до 140 десятин) вблизи Серебряного Бора под Москвой, распоряжением ВЦИК'а также переданного Зоосаду.

Не довольствуясь эксплуатацией наличных материалов и ресурсов этих трех имений (в смысле пользования покосами и получения корнеплодов..) инициатива хозотдела Зоосада бросилась на самые отчаянные операции: организацию обширнейших запруд, огромных огороженных участков, для устройства резерватов (с выпуском оленей и туров..) устройства лесопильного завода, электрофикации имения Троицко-Лыково и все это, не обладая никакими начальным капиталом, кроме скудных средств, едва достаточных для поддержания Сада.

Результаты этой инициативы не замедлили сказаться.

Перекинутые в «резерваты» звери (правда неохотно мною отданные в этих целях относительно лишь малоценные животные...) раскрадывались или разбегались; переброшенные для работы по свезению леса лошади — калечились, как и отдельные работники, а нескончаемые хлопоты и траты угрожали обескровить весь бюджет, все силы, все внимание работников Зоологического Сада, ставшего подобием «придатка» к трем совхозам, этим трем «саркомам» поглощавшим все ресурсы Сада, денежные и людские.

А ресурсы эти оставались более, чем скудные.

Достаточно сказать, что и по национализации московского зоологического Сада его вынужденная связь с аттракционами и зрелищными предприятиями ради повышения доходности не только не была оставлена, но приняла особо грубые и вызывающие формы.

Дело в том, что вопреки декрету, ряд отдельных помещений Зоосада (здания Театра, залы для концертов и буфета) отданные лишь для временного пользования Краснопресненскому Райполитпросвету, стали им рассматриваться в положении собственности и использоваться в направлении, более, чем спорном.

Соответственно позициям **Моно** и всей тогдашней нашей прессы, ведшей самую жестокую борьбу с халтурой, снова пробудившейся при «НЭП'е» и с мещанской пошлостью в искусстве и на сцене, я, естественно не мог мириться с содержанием «увеселений», насаждавшихся при том от имени Зоологического Сада местным управлением Театров («РУТ'ом»), именно: цыганских песен, кегельбана, танцевальных вечеров с рекламой о вине, катания на лодках между пеликанами и лебедями..

Еще менее я мог сочувствовать пошляцкому и зазывательному стилю публикуемых афиш: «Каждый честный гражданин РСФСР должен быть в Зоологическом Саду» или: «2 Сентября — единственный исторический день со дня основания Сада!» (в действительности — бенефис арендатора Сада, его передней «увеселительной части» — **Семенова**).

О напористости этого мужчины говорило то, что на категорическое мое заявление об отказе от продления договора на аренду всей передней части Зоосада под «увеселения», организуемые местным Управлением Театров, неожиданно последовала угроза: в случае отказа от продления договора, им, Семеновым, будут в ближайшем же соседстве с Зоосадом созданы увеселительные постановки, обещающие ...подорвать доход и посещаемость зоологического Сада.

Об убыточности связи с учреждением, возглавлявшимся таким лицом, достаточно свидетельствовало то, что при валовом сборе в «бенефисный день» Семенова (свыше 500 Миллиардов!) на долю Сада пришлось лишь около 10% и это при полугодных служащих и голодающих животных.

Таковы были хозяйственно-экономические установки и условия работы Зоосада при начале «НЭП'а».

От находчивости арендаторов (поддерживаемых Хозяйственным Отделом Зоосада и заведующими **оно**, считавшими, что Сад не может перейти на самокупимость без легких зрелищ и увеселений..) не отставали и хозяйственники Сада.

В упоении новыми возможностями инициатива их грозила перейти все грани допустимого законом и воображением.

Так, для покрытия задолженности по электрическому освещению пришлось продать **автомобиль**, точнее выменять его на партию мануфактуры, а последнюю частично ..на **овес**, овес был выменен на **жеребца**, и только **жеребцом**, его продажей удалось покрыть задолженность за электричество.

Еще сомнительнее были операции с постройкой **ледника**, для сохранения конины, поступавшей в Сад при массовом повальном падеже голодным «безлошадным летом» 1922 года.

Лишь ценою Величайшего труда, больших затрат и редкой инициативы моего хозяйственного отдела удалось осуществление, при том в кратчайший срок, второго Ледника, но лишь затем, чтобы немедленно же сдать его в аренду под хранение ...мороженого и при том ближайшим родственникам строителей этого Ледника, хозяйственников Сада.

В результате: прохлаждение садских посетителей и нагревание карманов вдохновителей второго Ледника ценою явного ущерба для животных Зоосада.

Все мои протесты, увещания и просьбы оставались тщетны и формально беспредметными, поскольку соответственно имевшемуся Положению о Зоосаде, вся административная, как и хозяйственная его работа подчинялась **Моссовету** и была оторвана от деятельности научной, подчиненной **Наркомпросу**.

Было ясно, что продлись подобное хозяйничание еще пару месяцев и Зоосаду, пережившему самые трудные катастрофические годы голода и холода, не устоять перед напором безудержной спекуляции..

И все же не хозяйственные неполадки вызвали очередную смену их виновников, но, как обычно, личные и обывательские кляузы и интриги: В результате — отозвание хозяйственников Зоосада и присылка в качестве замены их другого, нового лица, имевшего урегулировать хозяйственную жизнь Сада, излечить его хронические язвы и недуги.

Молодой и энергичный, иностранного происхождения, с сильным акцентом, он явился этот вновь назначенный «хозяйственник» с мандатом на административное заведование Зоосадом.

Справедливость требует сказать, что новая кандидатура встретила лишь сдержанное отношение в **Моссовете** (резолюция Члена Президиума тов. Волкова: «Не возражаю!») и определенно отрицательное отношение в Наркомпросе .

Но, считаясь с предъявлением мандата, как и требованием немедленного отзыва прежнего хозяйственника, я был вынужден доверить садское хозяйство неизвестному мне человеку.

К сожалению, уже первые шаги назначенного вновь администратора способны были заронить тревогу.

Началась хозяйственность его с того, что был затребован из Троицко-Лыкова имевшийся в его каретнике старинный щегольской кабриолет (по типу лондонского «Кэба'а») для разъездов по Москве.

Вторым мероприятием была покупка на собаьем рынке, для охраны нового хозяйственника полузрелого бульдога: это приобретение, обошедшееся Саду в несколько миллионов, мотивировалось в частности и тем, что незадолго перед тем была похищена из Канцелярии зоологического сада пишущая машинка, по каковому случаю на экстренном собрании всех служащих новым хозяйственником было сделано предупреждение, что в случае, если виновные в покраже не вернут машинки дело будет передано ...бульдогу (очевидно, в качестве четвероногого Шерлока Хольмса).

Более значительна по результатам оказалась пассия назначенного вновь хозяйственника в наведении поверхностного лоска по постройках Сада и заботы в деле просвещения его служительского персонала.

Увидав полупустующий барак (служивший раньше «детским Садам» новый мой хозяйственник решил устроить в этом помещении «Клуб для рабочих Зоосада»).

Срочным образом рабочий персонал его был перекинут на ремонт запущенного здания, чтобы с большою помпой несколько недель спустя отпраздновать открытие вновь созданного Клуба с присвоением Клубу имени Наркома просвещения **А.П. Луначарского**.

Вторым последовал ремонт — вернее, освещение внешности Аквариума и конюшен, третьим — помещения для обезьян и попугаев.

Тщетны были указания мои на то, что неотложнее, чем основание Клуба или наведение лоска на отдельных зданиях, является вопрос об обеспечении Сада на зиму кормами для животных и необходимым топливом.

В своем фасадно-эстетическом восторге и декоративном творчестве хозяйственник мой без оглядки расточал миллионы на фасады зданий, забывая надвигание зимы, распутицы и холода.

И неизвестно, до каких пределов продолжалась бы такая расточительность за счет эстетики и целостности животных, если бы не истощение имевшихся финансов, побудивших незадачливого администратора срочно созвать собрание служащих и заявить во всеуслышание, что по причине израсходования всех денег, самому ему, хозяйственнику, грозит тюрьма за неуплату социальных страхований и животным Зоосада угрожает гибель из-за нехватки корма.

На мое резонно-укоризненное замечание, что не следовало строить клубов, не учтя более срочных нужд по линии кормов и страхований, мой хозяйственник-администратор разразился грозно-громовой тирадой, обращенной непосредственно ко мне, в том смысле, что поскольку я осмелился открыто высказаться про-

тив клуба имени Луначарского, он, хозяйственник, завтра же будет у Наркома и что я могу считать себя уволенным.

Этой нелепой, бредовой, бессмысленной тирадой, головою выдававшей интеллектуальный и моральный облик говорившего, был нанесен последний штрих к характеристике той обстановки, тех людей, среди которых приходилось мне работать в Зоосаде.

И, казалось бы, пора была подумать об уходе из последнего об оставлении поста, когда то принятого лишь по настоянию извне.

В этой гнетущей атмосфере лжи, интриг, инсинуаций, воровства, ажиотажа, спекуляций или в лучшем случае предпринимательского озорства на фоне голодающих людей и полуголодающих зверей, какие поводы, или соображения могли удерживать меня тогда в Саду?

Те самые, которые заставили меня принять когда-то этот пост, наперекор всему, что говорил мой многолетний опыт, вопреки всем доводам и уговорам и предостережениям со стороны.

Мотивы эти коренились в основной, руководящей, направляющей черте всей моей жизни, моего характера: **моёй любви к животным**.

Лишь она, эта стихийная моя любовь к животным, глубочайшее влечение мое к четвероногим и пернатым тварям, побудило меня после первых юношеских естественно- научных сборов навсегда отбросить от себя ружье, а по принятии заведования Зоосадам, долгими часами рыскать по московским улицам в поисках лошадиных трупов и часами же просиживать в приемных Наркоматов, чтобы лично выпросить необходимые корма для голодающих животных Сада.

И сознание, что из сотен служащих Зоологического Сада и сменявшихся, как «дни осенние» администраторов лишь я один любил по настоящему животных Сада, что в моей лишь власти было скрасить и смягчить их горестную участь, одно это лишь сознание не позволяло мне уйти из Сада, не дождавшись упрочения его экономического положения.

Но знаменательно, что та же самая моя любовь к животным Сада своевременно меня освободила от поста, сойти с которого по личной инициативе у меня не доставало мужества, или вернее малодушия.

Но прежде, чем коснуться этого последнего этапа моего рассказа, нам необходимо кратким образом остановиться на судьбе бывшей Лаборатории Зоологического Сада, столь же переменчивой, как жизнь этого последнего.

Возведенная в начале этого столетия в виде надстройки Спиридоновского здания для травоядных, и при том довольно неожиданным путем, на средства, собранные с москвичей, валом валивших в Сад для созерцания «Борцов», **Научная Лаборатория** долгие годы призвана была обслуживать ветеринарные задачи Сада, находясь всецело в ведении ветеринарного его надзора.

Ставить собственно зоологические исследования не удавалось за отсутствием работников и неопределенности тематики.

Декретом о национализации хотя и перешедшее в ведение **Наркомпроса**, помещение Лаборатории было условно, временно оставлено за Обществом Акклиматизации не только потому, что заниматься в ней в годы блокады, голода и холода, и тифа было некому, но и для временного помещения «хозяйства» Общества, как бывшего хозяина-владельца Зоосада.

Но, как уже было сказано, идя навстречу умиранию, означенное Общество, конечно не могло использовать Лабораторию и передало ее другому Учреждению, Ветеринарному Институту, тоже не сумевшему ее использовать и в силу тех же оснований.

В результате — пустование лабораторных стен, эпизодически только использованных под вечеринки с танцами...

— «Ici on dance!» — «Здесь место танцев! Здесь танцуют!» этими словами, некогда написанными на месте уничтоженной Бастилии, возможно было бы возглавить о ту пору помещение бывшей Лаборатории, украшенной когда-то фотографиями **Дарвина** и **Пастера**.

Вопреки такой эксплуатации лабораторных стен, оставшиеся в качестве «реликтов» члены Общества Акклиматизации считали, что Лаборатория их собственность и лишь в итоге длительных переговоров удалось к началу 1923 года вернуть ее прямому назначению не без содействия проф. М.М. **Завадовского**, сосредоточившего к тому времени свои работы в Зоосаде.

Та значительная роль, которая позднее выпадет на долю этого ученого в последующей жизни Сада, как и в деле моего ухода из него, является достаточной для оправдания последующих строк.

Знакомый мне задолго перед тем по общей некогда работе на Московских Высших Женских Курсах, энергичный и талантливый зоолог-физиолог М.М. **Завадовский** прибыл летом в 1920 году в Москву из Крыма после плодотворного трехлетнего заведования известным Асканийским Зоопарком и обширных выполненных там работ на темы о «формогенезе», роли половых желез и их придатков в выявлении вторичных половых особенностей у животных.

Привезя с собой обширный материал, полученный в итоге тонких и искусных операции (экстирпации и пересадки половых желез..) Мих. Михайлович застал Москву, охваченную небывалым до того жилищным кризисом. Ни для ученого, ни для его прибывшего одновременно из Аскании «курятника» ценнейших оперированных кур и петухов, в Москве не находилось места.

А учитывая невозможность содержания в ту пору даже небольшого птичьего Питомника частными средствами, Михаилу Михайловичу было столь же просто обратиться за поддержкой к Зоосаду, как последнему откликнуться на эту просьбу.

И была только одна черта этого дела, угрожавшая набросить тень на мою полную готовность поддержать серьезную научную работу крупного ученого: то, что работа эта опиралась на вивисекционных опытах, на «резании» живых животных.

Существуют, как известно, разные воззрения на вивисекцию и на пределы допустимости ее. Но приурочивать ее к животным **Зоосада**, воспитательная цель и назначение которых насаждение любви к животным и гуманного к ним отношения, более, чем спорно. А учитывая мои личные воззрения по этому вопросу, можно без труда понять, что согласился я на превращение Лаборатории Зоологического Сада в «Вивисекционную» только с тяжелым чувством.

К сказанному присоединилась и тревога личного характера.

Помня Михаила Михайловича по совместным нашим курсовым занятиям не только как талантливого самобытного ученого, но и со стороны его самолюбивого и властного характера, мне было ясно, что вхождение его в круг жизни Зоосада, без того обремененной многовластием и многоначалием, грозит неотвратимым столкновением и на научной почве.

Но, конечно, все эти сомнения не в силах были удержать меня от помощи Михаилу Михайловичу Завадовскому, которому немедленно же предоставлена не только вся Лаборатория и помещения для подопытных животных, полное их содержание но и жилая комната в квартирном зоосадском корпусе.

И все же, компромиссное по существу, это сопребывание на той же садской территории двух равно самобытных, но диаметрально разных по воззрениям, вкусам, убеждениям и темпераменту зоологов-ученых не могло быть длительным, а при сложившейся в ту пору сложной административной обстановке и обилии житейского «горючего» — малейших поводов было достаточно для всяких осложнений и конфликтов.

Возвращаясь к нашему вопросу о ближайших поводах, ускоривших мою разлуку с Зоосадом, следует признать, что роль, решающую в этом деле суждено было сыграть не тифу, и не холоду и голоду, и не синодику сменявшихся хозяйственных администраторов-воров, дельцов и самодуров, а двум маленьким созданиям, не совсем обычным в этой своей роли.

Избегая по возможности заглядывать в Лабораторию Зоологического Сада, ставшего при моем вынужденном соучастии подобием звериного «Застенка», я, однажды, все же, заглянув в безлюдную лабораторию, увидел пару галочек, обыкновенных галок, грустно и пахохленно сидевших в тесной клетке с оброненной жердочкой и опрокинутой поенкой.

Водворить на место жердочку, налить воды было, конечно, делом нескольких минут.

Проходит пара дней. Опять заход в Лабораторию и снова ни души.

И снова те же галочки, опять без жердочки, и без воды, нахохленные и печальные.

Не скрою, что на этот раз вся моя выдержка покинула меня!

Вся горечь, все обиды, накопившиеся за четыре года моего горения в Саду, и вся любовь моя к животным сконцентрировалась в этот миг во мне при виде двух страдающих, лишенных должного ухода птиц.

Взять клетку, вынести ее наружу, выпустить на волю маленьких затворниц было делом нескольких секунд.

Мгновение другое и пернатые две узницы исчезли за вершинами деревьев.

Был когда то милый, симпатичнейший обряд или обычай: в день так наз. «Благовещения» 25 Марта выпускать на волю птичек, покупаемых на птичьем рынке и увы! для этой цели массаами ловившихся когда то подмосковными крестьянами.

Не помню, символом чего служил этот былой обычай.

Но в описываемом случае две галочки, которым я в порыве горечи и возмущения самочинно даровал свободу, оказались не аллегорически и символично, но реально в положении моих освободителей, из учреждения, которое оставить самочинно я не чувствовал себя не в праве и не в силах.

Весь дальнейший ход событие предопределялся этим эпизодом.

За отсутствием других улик, упреков или обвинений в отношении меня, самоуправный срыв научных опытов Лаборатории самим директором Зоологического Сада был поступок, доставлявший в руки моих недругов давно желанный козырь в пользу устранения моего из Сада.

И, однако, не считая себя в праве оставлять доверенный мне пост перед угрозой нехватки топлива и корма по вине хозяйственника Сада, я направил в **Наркомпрос** бумагу с изложением положения дела и прося руководящих указаний.

В поступившем вскорости Приказе Наркомата значилось, что вся коллегия «ин корпоре» освобождается от занимаемых должностей.

В этом приказе, даровавшем мне освобождение от Зоосада без опасности упрека в дезертирстве, я доселе чувствую влияние двух маленьких союзниц: двух освобожденных мною маленьких пернатых пленниц, — пары галочек!

Как бы то ни было, но к разбираемому времени все было подготовлено для передачи Зоосада новому хозяину: ценой невыразимых жертв, усилий и затрат мне удалось не только продержаться животных Зоосада и предотвратить его эвакуацию, изгнать в последний час из просветительного учреждения «торговцев» зрелищами, кегельбаном, водкой и цыганами; не только отстоять Лабораторию от наседавших на нее «танцоров», прокормить зверей и обуздать людей, но подготовить все для передачи Зоосада **полностью** в ведение **Моссвета**.

Пользуясь крылатой фразой **Герцена**, им сказанной по несколько иному адресу и несколько иному случаю, возможно было бы сказать по адресу и будущих руководителей московского Зоологического Сада:

— «Не стесняйтесь, уважаемый Коллега! Плод созрел, Вы можете сорвать его без всякого усилия, имея если и не право, то возможность позабыть труды и жертвы возрастившего его....»

Мы приближаемся к концу нашего очерка. И возвращаясь мысленно к изложенному мною о перипетиях Зоосада первых пяти лет по национализации его, естественно спросить: Зачем и для чего было напоминать о темных людях, что прошли когда-то черными тенями в жизни учреждения, зачем сегодня, в этот светлый праздник нашей Родины, ее столицы, вызывать из прошлого их «опозоренные тени»?

Для того, что, чтобы на фоне этих темных некогда страниц из жизни Зоосада тем рельефнее, отчетливее оттенить те трудности, с которыми бороться приходилось молодой советской власти в пору первых после-

революционных лет; чтобы на фоне этих небывалых трудностей и темных личностей яснее, ярче выдвигались облики других людей, с которыми мне приходилось встретиться тогда по линии служебной, обращаясь к ним за помощью или поддержкой.

А стучаться приходилось часто и нередко в двери высоко ответственных работников и представителей Советской власти. Но всегда и неизменно двери эти были широко открыты и сидевшие за ними лица широко доступны при моих повторных и порой назойливых и неотступных обращениях по самым разным и нередко очень тривиальным поводам.

Случалось ли просить о зерновых кормах, чтобы спасти от смерти подустевших свои мышцы голубей, или порою восходить до самого Наркома по вопросу о предоставлении «дохлой кобылы», найденной на улице Москвы и некогда увековеченной стихотворением Демьяна **Бедного**, всегда и всюду я встречал самое чуткое, простое, я сказал бы, дружеское отношение.

«Да неужели Вы не понимаете» — со сдержанной улыбкой или напускной суровостью встречали иногда мои петиции руководители тогдашних продовольственных организации, — «неужели Вы не знаете, что недостаток сейчас пшена для детских яслей и приютов, что давая Вам мы урезаем от детей!?»

— «Все это» — отвечает — «мне достаточно известно, как и то, что погубив животных Сада, мы лишим детишек самой чистой, светлой **детской** радости, особенно необходимой именно теперь, когда в охваченной блокадой, голодом и тифом городе родители их разучились улыбаться..»

Предъявляешь отзывы руководителей экскурсий детдомов, показываешь, раздаешь на право, и налево авторские экземпляры архаической по содержанию, но роскошно изданной когда то мною книги о московском Зоосаде, как свидетельство моей интимной близости, а не формально-ведомственных отношений к Учреждению и..ответный позитивный отклик обеспечен.

— «С'агитировали!» — говорит приветливо Народный Комиссар или заведующий «МПО» (московского Продовольственного Общества). И в результате голуби на время обеспечены пшеном и «дохлая кобыла» с улицы Москвы становится добычей африканских львов, моих любимцев «**Ермака**» и «**Котика**».

На время кризис продовольственный отсрочен впредь до новых аудиенций в наркоматах и выпрашиваний новых порции хлеба и пшена, разыскивания новой падали на улицах Москвы....

Прошло с описанного времени более **четверти** Века. И припоминая ныне это героическое время и свое посильное и скромное участие в общественной работе той поры, я чувствую большое удовлетворение, что оба раза, в годы интервенции, блокады, тифа, холода и голода, как и в години нашей героической великой обороны, в дни Великой Отечественной Войны, — мне суждено было не отрываться от родной Москвы, посильно послужить ее культуре, разделить ее страдания, ее труды и ее пафос.

В этой моей скромной лепте, моей кровной связи и доказанной посильной преданности жизни и культуре нашей «юбилярши», дорогой, родной Москвы, я позволяю себе видеть оправдание моему сегодняшнему выступлению.

И, однако, памятуя «юбилейность» моей скромной речи, посвященной столько же Москве, как и Зоологическому Саду, да позволено мне будет в заключение вернуться к смелой аналогии, которою я начал свою речь.

Родное детище и только временами в роли «пасынка» — Москвы, наш Зоосад не только преданно делил со своей матерью все горести и радости последнего восьмидесятилетия: как солнце в капле отражались в нем главнейшие события и перемены в состоянии столицы.

И окидывая общим взглядом славное **восьмисотлетие** Москвы, сопоставляя с ним **восьмидесятилетие** Зоологического Сада, можно без труда отметить знаменательные аналогии.

Подобно своему родному городу наш Зоосад имел и своего «Ивана **Калиту**» (профессора **Богданова..**) и времена расцвета и эпохи временных упадков, вызываемых разнообразными причинами: борьбой с людьми и грозными стихиями.

И как для жизни государства или города, значение последних уступало первой.

Гибельнее, чем пожары или наводнения, столько раз опустошавшие Москву (не миновавшие и Зоосад!), страшнее, чем губительные эпидемии (не миновавшие животных Зоосада!) — были неполадки, склоки, вымогательства, хищения, производимые людьми, как местными, так и случайными налетчиками, хищниками-кондотьерами со стороны.

И в этом смысле наш московский Зоосад познал и годы длительной борьбы за «Зоосадские Уделы» («кормные» места обслуживаемых животных), и нашествия иноземцев (типа арендаторов «Рябинных»!) и смутную эпоху (при хозяйничании залетных заправил и опекулянтов.

Но как в жизни нашего родного города, нашей Москвы, повторно возрождавшейся из пепла и руин, Москвы, одолевавшей преступления людей и наступления стихий, так и московский Зоосад остался победителем в борьбе с «носителями зла» и с «Донкихотами добра».

И как родная наша, горячо любимая **Москва** сумела отстоять себя в дни нашей героической великой обороны и вступить на торный путь дальнейшего духовного и материального строительства, так и московский **Зоосад**, да станет он в своем грядущем росте и развитии достойным сыном соевей Родины, ее Столицы и ее великого Вождя!

«На Новую квартиру»

(К Расширению Московского Зоопарка)

Из «**Всемирный Следопыт**»

Ежемесячный Иллюстрированный Журнал.

Издание «Земля и Фабрика»

Москва, — 1926. № 12 Страница 61.

—/Выдержка из статьи Д. Горлова/

Октябрьская Революция смела и разбила старые традиции Зоологического Сада. Опустели забытые досками балаганы. В 1919 году Зоосад переходит в руки государства, а руководство учреждением возлагается на Наркомпрос. С этого времени начинается период перестройки, сначала внутренней: от Сада-зрелища к Саду-базе научно-исследовательского характера; но вместе с тем начинаются годы голода.

Посетители, публика исчезли вовсе. Пустые дорожки зарастают травой. Все свободные площади засажены картофелем. Масса выбоин, наполненных водой. Осенью у вольер хищных птиц покладываются доски, ибо по чавкающей грязи вокруг нельзя пролезть. Клетки пустеют, Падеж зверей увеличивается.

Медведи и волки заполняют почти все помещения хищников. Долгий унылый голодный вой волков будит тишину умирающего Сада. Плач кланящихся медведей, целыми днями не отходящих от решеток в надежде получить подачку от случайного посетителя, больно режет слух.

Туши дохлых лошадей, привезенных для кормежки, с мутными стеклянными глазами валяются у заново отстроенного теперь обезьяньего павильона. Стаи голодных собак бегают по Саду, рвут эти туши. В разных углах Сада валяются копыта, кости, лошадиные черепа, обглоданные собаками.

Тяжелая, давящая обстановка. Голодный человек тащит и урывает себе корм, предназначенный для животных, нет дров. Мерзнет огромный красавец лев «Ермак», погибший от недостатка пищи и холода.

Хищения характерны для этого периода. Как осенние дни, меняются заведующие хозяйством, и среди этой ужасной обстановки один человек, преданный делу, очень сильно любящий животных, А.Ф. **Котс**, директор Зоосада.

Он, вечно озабоченный, вечно в работе, выполняя десятки обязанностей, от поездок за мясом вплоть до раздачи его, мечется, из кожи лезет вон, чтобы не дать умереть еще теплящейся жизни. Благодаря ему,

население Сада не вымерло вовсе, и Зоосад дожил не только до дней своего восстановления, но развернулся и вырос, стал колоссальной научной лабораторией, доступной широким массам населения.
